

Метафізика культури: история и мораль

Борис ЛЕПЕШКО,
доктор
исторических
наук, кандидат
философских
наук, профессор

Проблема возможности применения моральных критериев при изучении исторического процесса, оценке действий тех или иных исторических персонажей поднимается давно. Здесь главный вопрос сформулировал еще Николо Макиавелли: цель действительно оправдывает средства? Представляет интерес и взаимовлияние, взаимопроникновение основных категорий темы в теоретико-познавательном процессе. Другими словами, историческая эпистемология может включить в свой арсенал категории этики или это априори непродуктивно, более того, бессмысленно? Существует также мощный современный компонент темы, поскольку все мы являемся свидетелями того, что историографические оценки не только идеологизируются, но и морализируются.

Скажем, рефреном звучит вопрос: имел ли тот или иной политик право поступать так, а не иначе, с точки зрения морали? Вспомним в связи с этим известный исторический прецедент. В 1881 году Владимир Соловьев, известнейший национальный мыслитель, с профессорской кафедры призвал нового монарха пощадить убийц Александра II. Дескать, тот царь, который сможет простить убийц, проявит подлинно христианские чувства и сделает первый шаг к национальному примирению. Профессора, конечно, тут же лишили кафедры, а родовольцев повесили. Но вопрос-то остался, и в русле дальнейшего развития событий (1917 год) призывы Владимира Сергеевича Соловьева вовсе не выглядят столь идеалистичными и оторванными от жизни, как казалось в свое время. А ведь Н.К. Победоносцев, обер-прокурор Святейшего синода и неофициально главный идеолог страны, писал по поводу данного призыва Александру III, что сын великого русского историка С.М. Соловьева просто сошел с ума.

Теме, связанной с историей в контексте морали, или моралью в контексте истории, у нас уделяют внимания неоправданно мало. С одной стороны, господствует старая позитивистская традиция, призывающая к сугубо сциентистскому подходу: дескать, моральные призывы, ценности, критерии не верифицируются, а потому их надо аккуратно исключить из научного оборота.

С другой – идеи «христианизации истории», о которых мы будем говорить ниже, в общественном сознании дискредитированы. И это произошло не только в условиях господства известных клише советской историографии, советской идеологии, но и фактической беспомощности историографии российской, дореволюционной. Призывы использовать данный компонент не только в науке, но и в рамках понимания, объяснения общественной жизни, исторического процесса, в глазах многих людей оказались нежизнеспособными и были либо вычеркнуты из научного обихода, либо просто забыты. Не надо недооценивать тот факт, что история – не просто академическая наука, но и наука очень «живая», «человеческая», по словам Ф. Ницше, имеющая мощное влияние на ход современных событий, на разработку перспектив общественного развития.

ОПРАВДЫВАЕТ ЛИ ЦЕЛЬ СРЕДСТВА?

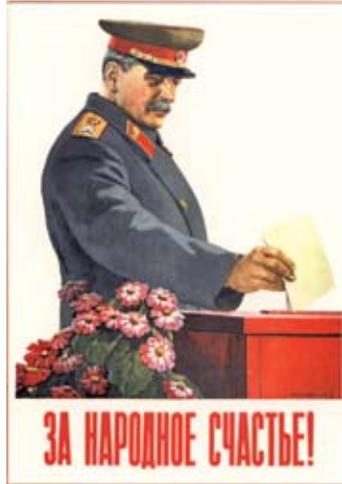
Вопрос вроде бы ясный и решенный наукой, в частности этикой: нет, конечно, не оправдывает. Но мы попытаемся рассмотреть его несколько шире, в рамках междисциплинарного подхода. И связано это с тем, что существуют некие понятные и внятные для специалистов категории, соответствующие дефиниции, а есть и то, что называют общественным сознанием,

психологическими установками, традициями коллективного мышления, которые могут пренебрегать всеми научными определениями.

Начнем с показательного примера – оценки роли в истории личности И. Сталина. Единства в этом нет до сих пор, однако в ходе опросов общественного мнения, социологических исследований, интернет-опросов упомянутый государственный деятель возглавляет список самых известных – выдающихся – деятелей России.

С точки зрения моральной, этической, с точки зрения христианской (и не только) религии эта фигура вряд ли может претендовать на то, чтобы быть образцом для подражания: с ней ассоциируется скорее пренебрежение моральными ценностями, чем следование им. И, тем не менее, добрые христиане, мусульмане, буддисты, да и атеисты России (что, во всяком случае, более понятно) голосуют за него как за крупнейшего политического, государственного деятеля, чей вклад в национальное дело не оценим. Почему? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к исторической аналогии, которая поможет нам понять суть дела.

Флорентиец Николо Макиавелли в своих трудах, как исторических, так и концеп-

Советский плакат.
1950 год

туальных («Государь»), фактически исключил этический компонент из понимания исторического процесса. По его мнению, при оценке роли того или иного исторического деятеля все решает его конкретный прагматический вклад в некое общее дело, решение им злободневных национальных вопросов. Макиавелли «отделил» от морали не только политику, но и историю. Вообще говоря, здесь присутствует тот прагматизм, который пышным цветом расцвел в наше время. С этой точки зрения, например, позиция небезызвестного герцога Чезаре Борджиа может быть позитивно воспринята соплеменниками, главное в том, чтобы важнейшая национальная задача – воссоединение земель Италии – была решена. Но точно так мы до сих пор в каком-то смысле прощаем И. Сталина его прегрешения против человечности, памятуя о том, что он решил важнейшую национальную задачу – всемерно способствовал победе СССР в Великой Отечественной войне. Да, ведь была успешно решена не только эта общенациональная задача, но и многие иные, чрезвычайно значимые.

Здесь, конечно, существует некое противоречие, аберрация нашего ума. То есть современный, гуманно настроенный человек, нравственно добропорядочный, «голосует», условно говоря, за пиетет перед исторической фигурой, не обремененной особыми гуманными обязательствами, не склонной к любому виду милосердия, в том числе толстовского, христианского. Примечательно: даже жертвы сталинского произвола очень часто оправдывают его действия, ищут и находят рациональные мотивы его поступков и, соответственно, свою собственную «неправду», спровоцировавшую карательные – «справедливые» – меры. В данном случае не обойтись апелляцией к понятию «стокгольмский синдром», то есть попыткам жертв оправдать своих палачей. Речь, очевидно, идет о более сложной системе взаимозависимостей, в основе которых лежит тезис о приоритете общенациональных задач перед моральной системой ценностей и соответствующим выбором. Известный призыв «Жила бы страна родная, и нету других забот» – это ведь парафраз методологических, мировоззренческих предпочтений не только советского периода.

О Б АВТОРЕ

ЛЕПЕШКО Борис Михайлович.

Родился в 1955 году в городе Волковыске Гродненской области. В 1978 году окончил Гродненский университет имени Я. Купалы. Работал заведующим орготделом Гродненского горкома ЛКСМБ (1978–1980). В 1983–1985 годах – доцент Брестского строительного института. С 1985 по 1991 год – лектор Брестского горкома КПБ, инструктор, заместитель заведующего отделом, заведующий идеологическим отделом Брестского обкома КПБ. С 1991 по 1995 год – доцент Брестского госуниверситета имени Пушкина. В 1995–2000 годах – председатель совета по делам религий и национальностей Брестского облисполкома, в 2000–2005 годах – декан юридического факультета, в 2005–2007 годах – первый проректор Брестского госуниверситета имени Пушкина. С 2007 года – профессор БрГУ имени Пушкина, профессор Опольского университета (Польша). Кандидат философских наук (1983), доктор исторических наук (2000), профессор философии (2001). Автор свыше 350 научных, литературных работ, статей. Среди них монографии, сборники публицистических работ, эссе, повести, статьи. Сфера научных интересов: логика, философия истории, методология познания.

Чтобы подтвердить обоснованность этого тезиса, можно вспомнить и еще одну заметную политическую фигуру – М.С. Горбачева. Обратите внимание: на постсоветском пространстве сегодня большинство не может простить ему именно разрушение того общего национального дела, понимание которого сложилось в XX веке. Это дело – строительство, расцвет великого государства. М. Горбачев, возможно, правильно понимал общенациональную задачу, стремился к тому, что сегодня называют модернизацией и инновационным развитием, но его субъективное восприятие не нашло воплощения в практике государственного строительства. Скорее произошло обратное, что и определяет

Михаил Горбачев прощается с Эрихом Хоннекером в аэропорту Берлина. 6 октября 1989 года

всевозможные оценки деятельности этого человека. Моральный фактор играет при этом второстепенную роль. Можно сколько угодно говорить о «нравственности», «демократии» и «перестройке» в рамках некой новой нравственности, но разрушение национальных приоритетов большинство не склонно прощать.

Таким образом, цель не оправдывает средства, но если в итоге активных действий достигнут значимый общенациональный результат, общественное мнение чаще всего готово «закрывать глаза» на возможные прегрешения в этой важнейшей – этической – сфере. Сколько упреков снискал, например, немецкий канцлер Отто фон Бисмарк и за антидемократизм, и за византийское лукавство в борьбе с поли-

тическими соперниками, и за известную политику, получившую название «Культуркампф», но, в конечном счете, немецкая нация воздала ему должное. Поскольку важнейшая национальная задача – объединение страны – была осуществлена именно этим политиком.

Но является ли упомянутая формула универсальной? Полагаю, что нет, не является. В данном контексте важно уточнить следующие факторы. Во-первых, общенациональные дела масштаба мировой войны, объединения страны или ее разрушения – это не типичные события, выпадающие на долю каждого поколения людей. Соответственно, далеко не каждый исторический, политический деятель стоит перед подобным выбором. Во-вторых, всегда существенно различается положение в стране, регионе, мире. Может возникнуть ситуация приоритета неких моральных клише, и исторический деятель просто не посмеет совершить какой-либо акт, не вписывающийся в границы господствующего миропонимания. Порой ментальная среда не позволяет выйти за ее пределы, и логика действий того или иного деятеля определяется именно доминирующим в обществе умонастроением. В-третьих, и это самое очевидное, – для того, чтобы человек мог совершить действия столь масштабные, как объединение страны, победа в войне и т.д., он просто-напросто должен иметься в наличии. А это бывает далеко не всегда.

Скажем, во Франции кануна Второй мировой войны такого человека не оказалось, зато сыскался маршал Петен, сдавший страну. А вот во Франции, которая «ушла» из колониального Алжира, вышла из блока НАТО и заявила о самостоятельной внешней политике, он нашелся, и масштаб его дел соответствовал масштабу личности. Правда, перед генералом де Голлем, о котором речь, не стояли столь сложные этические проблемы, перед ним скорее возникли вопросы, быть или не быть Франции империей, быть или не быть стране новой монархией. Хотя можно вспомнить тот факт, что после войны суд приговорил маршала Петена к казни, а де Голль помиловал его. Не вдаваясь в детали, заметим: это был сложный как моральный, так и исторический выбор.

Этические конструкции, конечно, играют очень существенную роль при принятии тех или иных судьбоносных для нации решений, все они «освящаются» при помощи моральных (религиозных) требований. Но в случае столкновения морально должного и требуемого обстоятельствами, скажем, на уровне личного сознания, личных моральных требований и государственного долга, приоритет оказывается на стороне второго. Мы привыкли к ремаркам, которые слышатся на протяжении веков: «надо накормить народ», «надо выиграть войну», «надо победить разруху» и так далее, а уже потом можно будет вернуться к этическому компоненту всех этих целесообразных и обязательных действий. Когда же возникает противоречие между тем, что требуют обстоятельства, и тем, что записано в моральном кодексе, моральный кодекс или отодвигается в сторону, или интерпретируется таким образом, что от него мало что остается. Достаточно вспомнить кровопролитные события минувшего XX века, чтобы убедиться в правильности этого положения.

Но справедливо ли утверждать, что целевые установки опосредованы этическим основанием, личным или коллективным моральным выбором? Да, для подобной констатации есть основания. Более того, здесь как раз и присутствует диалектика в «чистом виде»: цель не оправдывает средства, но сам выбор средств способствует достижению цели, и он, этот выбор, во многом обоснован нравственными приоритетами. Иными словами, понимание неизбежности целесообразного выбора, прагматичного исхода вовсе не означает, что моральный компонент остался где-то далеко, за пределами нашего внимания. Как бы и кто этого ни хотел, но для многих современных политических деятелей выбор средств достижения цели во многом связан с моральным кодексом, принятым и в семье, и в государстве.

Инаугурационные церемонии, как известно, сопровождаются клятвой на Библии, Коране. Религиозные праздники, иные мероприятия того же ряда вызывают прилив активности политических, государственных деятелей, и уместно говорить не только о некоем святом протекторате

их действий. Речь идет об общественной морали, о традициях, и это те факторы, с которыми нельзя не считаться. Следование моральным заветам отцов церкви воспринимается как обязательный атрибут политической деятельности, но этот атрибут чаще выглядит как идеал, нежели практическое руководство к действию. Правда, порой за этим скрывается некое лукавство, некий подлог, который всплывает всякий раз, когда место борьбы за реализацию вечных моральных ценностей занимает их интерпретация и поиски границ тех «временных отступлений», к которым готова прибегнуть та или иная историческая фигура. «С нами Бог» – было выбито на пряжках ремней солдат и офицеров вермахта, и мы хорошо помним практические действия этих богобоязненных людей.

Так может быть применен или нет «критерий моральности» при оценке действий того или иного исторического персонажа? Уместен ли такой подход вообще при анализе исторического прошлого? Как идеальный способ достижения результата – вне всяких сомнений. То есть «человек моральный» – это не выдумка, это реальность, в том числе и историческая. Но сказанное включает лишь половину истины. Вторая половина связана с пониманием того простого факта, что вне моральных факторов любые оценки вообще невозможны. Пре-

словутая целесообразность (Н. Макиавелли, В.И. Ленина и других фигур) имеет смысл тогда, когда «освящена» теми высокими нормами, которые собственно и позволяют человеку и человечеству существовать на этом свете. Целесообразность государственная, национальная, политическая, конечно, «забывает» любые самые

правильные и выверенные временем идеалистические (моральные) конструкции. Но вот парадокс: господство это временное, потому что рано или поздно наступает то, что в одном случае называют раскаянием, а в другом – покаянием. И все возвращается на круги своя: цель не оправдывает средства, но об этом вспоминают всякий раз, когда процесс осуществился. И всякий раз понимают, что моральный кодекс вечен, а целесообразность – относительна.

Надпись
«С нами Бог»
на пряжке ремня
офицера вермахта

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АРСЕНАЛ ИСТОРИКА И МОРАЛИСТА

Не менее важно уяснить, в какой степени этический критерий может быть востребован в вечных спорах об исторической истине. Скажем, тот же Николо Макиавелли в предисловии к одному из своих исторических трудов, «Истории Флоренции», говорил о нем с точки зрения необходимости, важности, объективности истины. На первый взгляд, критерий моральности здесь априори отсутствует. Он писал: «На протяжении всего моего повествования никогда не было у меня стремления ни прикрыть бесчестное дело благовидной личиной, ни навести тень на похвальное деяние под тем предлогом, будто оно преследовало неблагоприятную цель» [1, с. 64].

Конечно, на познавательном пути у флорентийского мыслителя были немалые затруднения. Скажем, определяя характер войны, он замечал, что «та война справедлива, которая необходима, и то оружие священо, на которое единственная надежда». Но война – необходима кому? Оружие, как единственная надежда, – для кого? Справедливость – с точки зрения выигравшего или проигравшего войну? Необходимость нравственных критериев при определении характера исторического события, его предпосылок и сути достаточно очевидна. Категория «справедливость», в частности, из этого числа. Ведь если, скажем, исходить из понимания универсальности этических норм, их вечности в рамках религиозных систем, то не значит ли это, что в них, этих нормах, уже заложено определенное «прочтение» исторического прошлого и предложены те или иные их интерпретационные варианты? Этика не творит историю, но, возможно, она в состоянии способствовать ее пониманию. Где лежит граница между провиденциализмом и абсолютизацией тех или иных нравственных категорий?

Вспомним некоторые страницы романа Льва Толстого «Война и мир» и попытки великого писателя дать оценку тем или иным историческим событиям и персонам исходя из приоритета именно моральных норм, этических ценностей. Скажем, Андрей Болконский, особенно после своего ранения, начинает понимать военную, по-

литическую ситуацию глубже или иначе, чем ранее, в соответствии с критериями, связанными с вечностью, с приоритетом религиозных, нравственных ценностей перед ценностями прагматическими, государственными. «Новое счастье» выздоравливающего князя Андрея «имело что-то общее с Евангелием», он, умирая на поле боя, испытал любовь, в том числе и любовь к врагу, и это было сутью его прозрения [2, с. 397–400]. Для Л. Толстого причины исторических событий предопределены свыше, применительно к его мировосприятию правит бал философия провиденциализма. Однако это «свыше» применительно к конкретному персонажу (А. Болконскому), имеет форму понимания новых истин. Провиденциализм ведь вряд ли может быть сведен исключительно к уяснению и проведению воли Бога в жизнь человечества, обязательно должен присутствовать «человеческий компонент» (свобода воли), который чаще всего связан именно с нравственными ценностями.

В данном отношении позиции Л. Толстого и Н. Макиавелли – при всей разнонаправленности основополагающих посылов – очень близки. «Люди не умеют быть ни достойно преступными, ни совершенно хорошими» [1, с. 424], но раз дело обстоит именно так, то всё решают конкретные обстоятельства времени и места. Во вступлении ко второй книге работы «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» Н. Макиавелли развил эту мысль: «Размышляя о ходе дел человеческих, я прихожу к выводу, что мир всегда остается одинаковым, что в мире этом столько же дурного, сколько и хорошего, но что зло и добро перекочевывают из страны в страну» [1, с. 443–444].

Мир идентичен, «количество» добра и зла в нем не меняется, а есть лишь человек, его попытки уяснить суть провиденциального замысла и поступить в соответствии с ним. Попутно заметим, что высказанная мысль содержит в себе и элементы методологии научного поиска. Смысл этой методологии заключается в выдвигании на первый план в иерархии ценностей неких вечных моральных истин (то же «одинаковое количество добра и зла в мире»), которые позволяют выстроить

свое, особое миропонимание. Вспомним, как Л. Толстой рассуждает в третьей части «Войны и мира» о роли случайности в истории. Дескать, насморк помешал Наполеону выиграть битву на Бородинском поле, и потому слава камердинеру, не приготовившему императору непромокаемые сапоги. Это – ироничный контекст, в том числе и в текстах Л. Толстого. Но возможно и иное его прочтение, связанное с пониманием «случайности случайности», «второстепенности случайности» и выдвиганием на первый план все тех же этических максимумов, скажем, чувства любви в смысле метафизическом. «Всякий из нас ежели не больше, то никак не меньше человек, чем великий Наполеон» [2, с. 230], замечает автор «Войны и мира», и в этой констатации заложен не только провиденциальный смысл. Человеческое в любом человеке – это, прежде всего, моральное, этическое, но уж никак не нечто сугубо «целесообразное» и «необходимое».

А обратившись к некоторым замечаниям Федора Достоевского из «Дневника писателя» за 1877 год, мы видим, что, осуществив беспощадный и прагматичный (говоря нынешними категориями) анализ положения дел применительно к судьбам славянства, вполне бисмарковский по духу анализ, где присутствует трезвое понимание того, что сегодняшние союзники и братья завтра могут обмануть и бросить, великий писатель, тем не менее, подытоживает свои размышления следующим пассажем. Он пишет, что Россия «должна жить высшей жизнью, светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать великий организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом...» [3, с. 369]. Подобного рода настроения, призывы – это характерная часть русской идеалистической философской мысли конца XIX – начала XX века в целом. Приоритет этических конструкций – это элемент и социальной психологии, и философии, и

Памятник Федору Тютчеву в музее-заповеднике «Овстуг» (Брянская область)

историософии. Иногда даже затрудняешься понять, где заканчивается вполне трезвый, позитивистский по духу и сути анализ действительности, исторического прошлого, а где «включаются» механизмы этико-христианской интерпретации. Конечно, разделять эти процессы, подходы можно лишь чисто умозрительно, теоретически, однако факт: этика для великих русских идеалистов не просто дань традиции, это сущностная база, сердцевина всех эвристических поисков, в том числе и гносеологического характера. Причем такой подход не бесплоден даже с точки зрения прагматика. Идеализм вполне способен быть прагматичным, особенно если он «опирается» на категории действительно вечные, категории комплекса идей этики.

Целесообразно в связи с этим вспомнить известное четверостишие Федора Тютчева. Замечательный национальный мыслитель и выдающийся поэт весьма симптоматично отреагировал на классическое замечание Отто фон Бисмарка, заявившего, что объединение наций, вообще решение великих национальных задач возможно лишь «железом и кровью». Поэт написал по этому поводу: «Единство, – возвестил оракул наших дней, – //Быть может спаяно железом лишь и кровью...» //Но мы попробуем спаять его любовью, //А там увидим, что прочней...».

Ф. Тютчева меньше всего можно упрекнуть в прекраснодоушии, в утопизме. Прагматик, дипломат, да, поэт, но твердо стоящий на ногах. В данном случае мы имеем дело с выражением определенным образом понятой национальной идеи, суть которой – в этизации истории. Талантливейший российский исследователь В.В. Кожин в своей блестящей книге «Пророк в своем Отечестве Федор Тютчев» прямо пишет: «Если кратко сформулировать суть всего хода мысли Тютчева, следовало бы сказать, что он ставит и решает вопрос об этике, о нравственном смысле самой Истории во всем ее тысячелетнем размахе» [4, с. 304]. Именно Тютчев со всей силой выразил идею «необходимости нравственного смысла в истории». Но, мало того, он полагал, что нравственность должна глубоко укорениться и в политике. А как при этом решить, кто и на что имеет право?

КТО И НА ЧТО ИМЕЕТ ПРАВО?

Попробуем первоначально соотнести категории «исторический выбор» и «моральный выбор». С точки зрения формальной логики возможен вариант, который традиционно называется «пересечением объемов понятий». Иначе говоря, выбор может быть одновременно и моральным, и историческим, а может и не быть таковым. Уинстон Черчилль, принимая решение о сопротивлении немецкой агрессии в конце 30-х годов прошлого века, сделал выбор одновременно и исторический, и моральный. Тот памятник, который ему поставили благодарные потомки недалеко от Вестминстера, – подтверждение справедливости как того, так и другого. Петр Первый, принимая решение о строительстве города на Неве, осуществил, вне всяких сомнений, исторический

Глава комитета «Свободная Франция» Шарль де Голль выступает на радио Би-Би-Си с призывом к своим соотечественникам не складывать оружия. Лондон, 18 июня 1940 года

выбор, однако назвать его одновременно и высокоморальным вряд ли возможно. Во всяком случае, против этого решения восстанут тени десятков, сотен тысяч загубленных жизнью людей, строивших этот город. Можно привести множество примеров того, как те или иные государственные, исторические, религиозные деятели принимали решения, основанные на высоких принципах морали, которые оборачивались бедствиями, проблемами для народов.

Но это – формальная логика. Нам же хорошо известно, что логика жизни выше многих ее постулатов, что те про-

тиворечия, против которых «протестует» аристотелевская традиция, в жизни не только возможны, но и необходимы. И в этом плане соотношение понятий «моральный выбор» и «исторический выбор» часто сложно классифицировать, придать им одномерное толкование, поскольку углы тех или иных противоречий «выпирают» на каждом шагу.

Очевидно, что каждая эпоха решает вопросы, связанные с пониманием нравственности тех или иных поступков, того или иного исторического выбора, по-своему. Дворяне после убийства императора Павла в своей массе ликовали, но этот прецедент имел существенные последствия для развития всей русской политической, государственной жизни, и это ликование выглядит устрашающим знаком. Отвлекаясь, заметим, что убийство семьи Романовых после революции 1917 года мало кем из россиян было замечено, и понадобилось почти целое столетие для того, чтобы оценки этого далекого от нравственных канонов события стали более взвешенными и получили, как минимум, адекватное освещение. Но нет ли в этих двух убийствах некой исторической, нравственной связи? И закономерен ли вопрос: как быть в таких ситуациях с историческим и моральным выбором? Действительно ли все решает целесообразность, все равно какая, государственная, национальная, словом, общественная?

Французский историк Франсуа Гизо предложил исходить из того, что связь между нравственностью, философией и историей является органичной, глубокой и вечной. Он писал: «Когда мы захотим узнать степень участия известного лица и общества, нам необходимо будет определить, в чем состоит истинное развитие того и другого... Нам никоим образом не стоит отказываться от подобного изучения, в противном случае нам бы пришлось искажать факты, кроме того, самое настроение умов, господствующее в настоящее время, заставляет нас добровольно принять это неизбежное соединение нравственной философии с историей. Это один из отличительных признаков и, быть может, самая характерная черта нашей эпохи» [5, с. 92]. До сих пор, продолжает Ф. Гизо, нравственность и история развивались параллельно, и это

было связано с неразвитостью общества, господством жестких форм общежития. Ныне же «общество усовершенствовалось до такой степени, что может быть поставлено лицом к лицу с отвлеченной истиной, что факты могут быть сближены с принципами». Последнее замечание носит методологический характер и может быть в полной мере востребовано и сегодня. Конечно, оптимизм великого французского мыслителя не всеми сегодня разделяется, слышны голоса, в которых звучит скепсис по поводу такого союза, а потому имеет смысл вновь напомнить о важности этой общей задачи для ученых, практиков, всех думающих людей. Мы и сегодня предпочитаем апеллировать к фактам, оставляя в стороне принципы, «забывая» о них, поскольку они «слишком абстрактны», «слишком нравоучительны» и т.д. Но если бы апелляция к фактам все решала, если бы «факты», шире – эмпирический подход и вытеснение моральных критериев в истории способствовали процветанию и неагрессивному развитию...

Правда, фактически совсем не разработаны и еще ждут своих исследователей механизмы применения «принципов» (нравственных) при осмыслении фактов (исторических). Нам бы хотелось заметить лишь следующее. Факт, его понимание, интерпретация, изучение – не самоцель. В этом смысле стоит говорить об оправданности наших научных действий, о той цели, которую мы ставим перед собой, решая ту или иную эвристическую задачу. Да, мы узнали что-то новое, мы углубили свои знания. Но для чего? Для того же знания? Идеальные мотивы нашей деятельности все более уверенно занимают первостепенное место, и целесообразность в итоге отступает перед ними. А потому вряд ли стоит избегать этих принципов, вряд ли стоит апеллировать исключительно к фактам там, где нужно обращаться и к философии, нравственной философии.

Эта дисциплина задает параметры, критерии наших оценок, она не является рабом сиюминутного, даже не связана с определенными методологическими симпатиями. Скажем, если кто-то говорит о «конце мира», то нравственная философия воспротивится такой постановке во-

«Я думаю о генерале де Голле, который два раза спас республику, вернул Франции свободу, а государству престиж».

Из инаугурационной речи президента Франции Николя Саркози. 2007 год

проса. Ведь сколько раз мир «умирал». Мы и сами недавно пережили масштабный исторический, ментальный, мировоззренческий кризис, связанный с распадом СССР. В таких условиях фактором, который сдерживает ситуацию, дает ориентиры для понимания сущего, позволяет по-новому оценить происходящее и не увидеть в этих изменениях катастрофы, может быть именно нравственная философия.

Меньше всего хотелось бы выдвигать некие утопические идеи, связанные с «всесилием нравственности», «вечностью морали» и т.д. Однако история убеждает в том, что приоритет целесообразности, приоритет «факта» перед «принципом» с течением веков теряет свою незыблемость. Для того чтобы такого рода постановка вопроса стала реальностью, приобрела черты вполне устойчивого и прагматичного подхода, понадобились усилия многих мыслителей, в том числе и теоретиков русской идеалистической школы второй половины XIX – начала XX века. Да, прагматики считают морализаторский подход слабостью, мало того, неэффективным средством понимания как действительности, так и политики, истории. В ответ на это тем из нас, для кого моральный критерий в понимании истории не прекраснотупная утопия, не блажь того или иного ума, есть смысл, как минимум, еще раз обратиться к классикам, скажем, к тому же Гизо. В работе «История цивилизации в Европе» он писал: «Понятия о добре и зле, обязанность избегать зла и делать добро – суть законов, которые человек находит в собственной природе, подобно законам логическим; источник их – в самом человеке, применение их – в его действительной жизни» [5, с. 121]. От себя же уйти нельзя, значит, и от собственной истории – тоже. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. Макиавелли, Н. Избранные произведения / Н. Макиавелли. – М.: Художественная литература, 1982.
2. Толстой, Л.Н. Война и мир: собр. соч. в 12 т. / Л.Н. Толстой. – М.: Правда, 1987. – Т. 5.
3. Достоевский, Ф.М. Политическое завещание: сб. статей за 1861–1881 гг. / Ф.М. Достоевский. – М.: Алгоритм, 2008.
4. Кожинов, В.В. Пророк в своем Отечестве Федор Тютчев / В.В. Кожинов. – М.: Алгоритм, 2002.
5. Гизо, Ф. История цивилизации в Европе / Ф. Гизо. – Минск: Белорусская энциклопедия, 2005.